

УДК 316.347

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-165-180

Социальное самочувствие межэтнического сообщества Новосибирска: опыт диагностики и его роль в муниципальном управлении

Ю. В. Попков

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Социальное самочувствие людей разных национальностей рассматривается в качестве важной составляющей этносоциальной ситуации и качественной характеристики городского межэтнического сообщества. В свою очередь такое сообщество обосновывается как значимый объект национальной политики на муниципальном уровне. На основе обобщения результатов проведенных под руководством автора массовых социологических опросов дается характеристика социального самочувствия населения города Новосибирска – уровня общего благополучия и степени удовлетворенности отдельными сторонами жизни, идентичности, состояния и динамики межэтнических отношений, как они видятся представителями разных этнических групп. Фиксируется наличие, с одной стороны, в целом благоприятного социального самочувствия представителей разных национальностей и доброжелательных межэтнических отношений, с другой стороны, определенных тревог и волнений, связанных с социальным положением жителей и развитием этих отношений в последнее время. Выделяются задачи муниципального управления, которые решаются с помощью мониторинга социального самочувствия городского межэтнического сообщества.

Ключевые слова

социальное самочувствие, межэтническое сообщество, муниципальное управление, Новосибирск

© Ю. В. Попков, 2019

Для цитирования

Попков Ю. В. Социальное самочувствие межэтнического сообщества Новосибирска: опыт диагностики и его роль в муниципальном управлении // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 165–180. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-165-180

Social Well-Being of the Interethnic Community of Novosibirsk: Diagnostics Experience and Its Role in Municipal Governance

Yu. V. Popkov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The social well-being of people of different nationalities is considered as an important component of the ethno-social situation and the qualitative characteristics of the urban inter-ethnic community. Such a community is justified as a significant object of ethnic policy at the municipal level. Based on the generalization of the results of mass sociological polls conducted under the leadership of the author, the paper describes the social well-being of the population of Novosibirsk: the level of general well-being and degree of satisfaction with certain aspects of life, identity, state and dynamics of inter-ethnic relations, as they are seen by different ethnic groups. It records, on the one hand, the existence of favorable social well-being and a benevolent attitude of the majority of residents towards members of other ethnic groups and, on the other hand, certain anxieties related to the social status of residents and the development of inter-ethnic relations in recent years. The author also highlights the tasks of the municipal government that are solved by monitoring the social well-being of the urban inter-ethnic community.

Keywords

social well-being, interethnic community, municipal governance, Novosibirsk

For citation

Popkov Yu. V. Social Well-Being of the Interethnic Community of Novosibirsk: Diagnostics Experience and Its Role in Municipal Governance. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 165–180. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-165-180

Важными условиями успешности государственного управления в сфере национальной политики является решение двух взаимосвязанных задач: с одной стороны, качественная диагностика состояния тех процессов, которые она призвана регулировать, с другой – четкая проработка ее концептуальных оснований и базисных приоритетов, заложенных в официальных доктринальных документах. Сами основания и приоритеты могут характеризоваться разной степенью соотнесенности с реальными процессами и существующими актуальными проблемами. Органы власти ориентируются на корректировку доктринальных источников, если возникает такая необходимость. Так, с учетом произошедших в последнее время изменений и в результате активной дискуссии среди экспертов в принятую в 2012 г. Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Стратегия) были внесены значительные текстовые поправки, закрепленные в указе Президента РФ от 6 декабря 2018 г.¹ В частности, уточнения сделаны в формулировках принципов, целей, задач и направлений национальной политики. Новацией является включение в текст Стратегии определений основных понятий, которые касаются данной сферы общественной жизни и соответствующего направления государственного управления. В нее дополнительно включены два новых раздела: «V. Целевые показатели реализации настоящей Стратегии» и «VI. Ожидаемые результаты реализации настоящей Стратегии». В документе четко фиксируется повышение ответственности местных властей за реализацию национальной политики.

В то же время многие важные, в том числе концептуально значимые вопросы национальной политики по сути не актуализированы и в новом варианте Стратегии. Мы уже подробно анализировали эту проблему [Попков, 2019]. Здесь сделаем акцент на тех вопросах, которые непосредственно касаются муниципального уровня управления.

¹ Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812070007> (дата обращения 03.04.2019).

Если оценивать ситуацию в общем, то следует констатировать, что местные (муниципальные) власти оказались в зоне повышенной ответственности за реализацию национальной политики при недостаточной проясненности необходимых для этого институциональных, правовых, административных, финансовых и кадровых возможностей. Их изыскание во многом ложится на плечи самих муниципалитетов.

В Стратегии никак не оговаривается и то обстоятельство, что структура местных органов власти в России отличается большим разнообразием с различающимися проблемами в области национальной политики. Ведь одно дело ситуация с многонациональным составом населения в городах-миллионниках, другое – в небольших по численности сельских районах или населенных пунктах. Очевидно, что задачи управления в данной сфере у них могут существенно различаться. По нашему убеждению, города, особенно крупные, в современных условиях выступают наиболее проблемными зонами национальной политики. Они отличаются наибольшим уровнем полиэтничности, характеризуются широким спектром этноконтактов. Именно в них концентрируются главные проблемные узлы межэтнических отношений. Следовательно, города должны быть признаны в качестве наиболее актуальных объектов национальной политики. Данный вопрос подробно анализируется в нашей недавно опубликованной монографии [Социокультурный мониторинг..., 2018]. Необходимость приоритетного акцента на городах и городских агломерациях как значимом объекте национальной политики убедительно отстаивают О. И. Вендина и Э. А. Паин [2018].

Еще один важный вопрос касается выделения конкретного объекта национальной политики в рамках самого города. Проблема объекта управленческого воздействия в Стратегии специально не оговаривается и не определяется не только применительно к городу, но и в отношении национальной политики в целом. Но можно предположить, что в качестве такового воспринимаются межнациональные (межэтнические) отношения, поскольку именно состояние этих отношений касается констатирующий раздел Стратегии.

С нашей точки зрения, объектом и одновременно целостной единицей исследования и управленческого воздействия в русле национальной политики на муниципальном уровне призваны выступать не только межнациональные (межэтнические) отношения, но и конкретные межэтнические сообщества в целом как некоторые интегрированные комплексные образования, исторически складывающиеся в процессе межэтнических взаимодействий. Поэтому среди важных инструментов реализации национальной политики следует признать мониторинг не просто межнациональных и межконфессиональных отношений и предупреждения конфликтов, как об этом говорится в Стратегии, а мониторинг состояния всего соответствующего межэтнического сообщества [Социокультурный мониторинг..., 2018].

Подробно методологическое и методическое обоснование мониторинга межэтнического сообщества и построение системы его конкретных показателей было предпринято нами ранее (см., в частности: [Попков, Костюк, 2018]). Идея подобного мониторинга состоит в рассмотрении его не только как исследовательской, но и как управленческой практики – составной части механизма муниципального управления. Его реализация помогает отслеживать состояние, изменения и общую динамику этносоциальных процессов, решать текущие социальные проблемы, осуществлять моделирование городского межэтнического пространства.

В системе показателей мониторинга межэтнического сообщества важное место занимают вопросы социального самочувствия представителей разных этнических групп, которое мы рассматриваем в качестве определенного индикатора состояния этносоциальной ситуации и качественной характеристики городского межэтнического сообщества, анализируемого сквозь призму восприятия его со стороны городских жителей. Режим мониторинга дает возможность отследить данные процессы в динамике.

Для иллюстрации потенциала предложенного подхода представим далее анализ социального самочувствия жителей города Новосибирска, включающий выявление степени удовлетворенности представителей разных этнических групп отдельными сторонами жизни, значимости для них разных

видов идентичности (гражданской, региональной, городской, этнической), оценок состояния и динамики межэтнических отношений, отношения к мигрантам и др. Его эмпирической базой послужили результаты проведенных в 2014 и 2017 гг. под руководством автора массовых социологических опросов, в общей программе и содержании которых был представлен блок по проблемам социального самочувствия².

Но прежде чем обратиться к эмпирическим материалам, сделаем несколько замечаний относительно феномена социального самочувствия.

Тема социального самочувствия стала в последнее время весьма обсуждаемой (обзор работ по данной проблеме см., в частности: [Чугуненко, Бобкова, 2013]). Мы солидарны с позицией данных авторов в оценке этого явления: «Социальное самочувствие населения становится, с одной стороны, важнейшим показателем эффективности социальной политики государства, с другой – определяющим фактором отношения большинства народа к властным субъектам» [Там же. С. 15]. В то же время не можем согласиться с теми, кто полагает, что самочувствие носит субъективный характер [Кашкина, 2012]. Очевидно, что оно имеет непосредственное отношение к определенному субъекту, однако зависит не только от этого субъекта, но и от условий, которые заданы социальной средой, его соци-

² В ходе массового опроса 2014 г. сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН (организатор опроса – Е. А. Ерохина) всего было опрошено 419 чел. (методом группового и индивидуального анкетирования) из разных половозрастных, социально-профессиональных и этнических групп. Характер выборки – целевая, непропорциональная. Среди опрошенных выделена группа из 50 чел., которые в свое время приехали из регионов Кавказа и Средней Азии. Им было задано несколько дополнительных вопросов по проблемам их адаптации в местном сообществе. По существу это было пилотажное исследование, его задача состояла в апробации разработанной методики. Но оно достаточно адекватно отражало состояние массового сознания горожан по анализируемой теме, поэтому его возможно рассматривать как полноценное исследование. Повторный массовый опрос новосибирцев по данной методике был проведен в 2017 г. (организатор опроса Н. Д. Вавилина). Всего опрошено 1 500 чел., из них 1 200 респондентов представляли местное население (их отбор осуществлялся на основе формирования многомерной, стратифицированной выборки) и 300 чел. – это мигранты (для их отбора использовалась целенаправленная выборка).

альным положением и существуют независимо от него, т. е. выступают по отношению к данному субъекту объективными. Иначе говоря, социальное самочувствие, на наш взгляд, правомерно определить как субъектный (свойственный субъекту) феномен, формирование которого определяется комплексом субъективных (т. е. зависимых от данного субъекта) и объективных (независимых от него) обстоятельств. В итоге социальное самочувствие выражает определенное, а именно ценностно-эмоциональное, отношение субъекта к своему социальному положению и характеризует степень удовлетворения его актуальных потребностей [Дрегалю, Ульяновский, 2010. С. 488].

Переходя к анализу результатов наших конкретных исследований, отметим, что социальное самочувствие людей оказывает значимое влияние на их поведение в разных сферах жизни, включая сферу межнациональных отношений. Оно имеет также дифференцирующее воздействие на характер оценок тех или иных сторон этносоциальной ситуации у представителей разных национальностей. Учитывая особенности во взаимоотношениях принимающего и прибывающего в город населения и специфику процесса диаспоризации разных этнических групп мигрантов в городском этнокультурном пространстве, далее для конкретного анализа будут выделены три основные группы респондентов: русские, представители народов Средней Азии и представители народов Кавказа.

Для опрошенных характерен достаточно высокий уровень удовлетворенности своей жизнью в целом: в 2014 г. каждый второй был вполне доволен жизнью и еще 37 % удовлетворены ею частично. Всего 5 % респондентов выражали однозначное недовольство и 8 % затруднились ответить. В 2017 г. произошло сокращение доли довольных (на 10 %) и увеличение (на 8 %) недовольных. Таким образом, фиксируется негативная динамика общего социального самочувствия жителей города за этот период.

Одновременно с этим существует значительная разница оценок по этому вопросу в разных этнических группах. Насколько можно судить по ответам, меньше всего полностью удовлетворены своей жизнью рус-

ские. За три года более критичными стали представители народов Средней Азии: если в 2014 г. 70 % из них были вполне удовлетворены своей жизнью, то в 2017 г. их стало значительно меньше – 41 %. На 11 % повысилась доля недовольных среди представителей народов Кавказа.

На прямой вопрос о своем самочувствии в настоящее время чуть более половины опрошенных отмечают уверенность и спокойствие. Неуверенность и беспокойство свойственно в целом 40 % респондентов (2017 г.). Здесь также существуют определенные различия: меньше других положительно настроены русские, но и среди них доля таковых составляет чуть более половины; у представителей народов Кавказа и Средней Азии она выше – соответственно 64 и 69 %.

На фоне общего более или менее благополучного социального самочувствия удовлетворенность конкретными сторонами жизни не столь значительна. При этом близкими и относительно высокими по результатам обоих исследований мнения русских и представителей иных этнических групп являются всего по трем параметрам – содержание работы, жилищные условия и работа учреждений культуры. По всем другим составляющим показатели ниже, а различия больше. Так, в 2014 г. работой учреждений образования были довольны всего 29 % русских, 44 % представителей народов Кавказа и 55 % – Средней Азии, в 2017 г. – соответственно 28, 42 и 42 %.

Больше всего однозначно не удовлетворены респонденты уровнем своих доходов, медицинским обслуживанием и работой местных органов власти. Это касается всех выделенных групп опрошенных. Если говорить о динамике мнений за время наблюдения, то важно отметить некоторое снижение уровня критичности при оценке обозначенных параметров у русских респондентов и его повышение у опрошенных, представляющих народы Кавказа и Средней Азии. Особенно заметен рост критичности у последней группы.

Мнения опрошенных по выделенным вопросам коррелируют с их оценками своего материального положения в целом: в 2014 г. каждый второй из всего массива респондентов относил себя к группе людей со средним достатком, всего 4 % – с высоким и 29 % – с низким достатком.

В 2017 г. первых два показателя понизились на один процент, а третий показатель вырос на пять процентов. Таким образом, можно сделать вывод, что с точки зрения субъективного восприятия уровень материального благополучия за этот период снизился у всех выделенных групп. Возможно, именно данное обстоятельство является одним из основных факторов роста критических оценок по анализируемым вопросам.

Очевидно, что мнение конкретных людей относительно собственного благосостояния определяется многими обстоятельствами, будучи в значительной мере субъективной оценкой. Но важно то, что этот показатель оказывает значимое воздействие на оценку многих других сторон своего социального положения и межнациональных отношений. Примечательным является в этой связи следующий факт: в 2017 г. 70 % респондентов согласились с утверждением, что если бы в материальном плане люди жили лучше, то менее напряженными были бы и межнациональные отношения. При этом доля таковых среди русских больше, чем в других группах.

Неблагоприятная динамика, хотя и не сильно выраженная, зафиксирована в оценке респондентов отношения к себе со стороны ближайшего окружения (коллег и руководителей по работе, соседей) и окружения дальнего (других жителей города), что является важной составляющей социального самочувствия людей. В то же время абсолютное большинство из них продолжают рассматривать эти отношения как хорошие и нормальные. Интересно, что отношения к себе ближайшего окружения оцениваются в целом как более доброжелательные, чем отношения дальнего окружения.

Несмотря на отмеченные негативные тенденции по ряду параметров, данные социологических опросов позволяют сделать общий вывод о существовании в Новосибирске благополучной социальной городской среды.

Важным показателем социального самочувствия людей являются структура и степень выраженности разных видов идентичности. Применительно к сфере этносоциального развития и межатнических отношений значение

имеют помимо гражданской идентичности, на чем делается основной акцент в Стратегии государственной национальной политики, также этническая, региональная и локальная (в нашем случае городская) идентичности, которые в данном документе даже не упоминаются. Хотя, например, без позитивной этнической идентичности невозможно, на наш взгляд, реализация целевой установки Стратегии на сохранение этнокультурного многообразия, а без определенного уровня локальной идентичности нельзя достичь единства городского межэтнического сообщества и его благополучия.

Значимость выделенных видов идентичности для представителей разных этнических групп респондентов представлена в таблице.

Важность разных видов идентичности
для респондентов из этнических групп (2014 и 2017 гг.), %
The Importance of Different Dorms of Identity
for Respondents from Ethnic Groups (2014 and 2017), %

Виды идентичности	Русские		Народы Кавказа		Народы Средней Азии		Весь массив	
	2014	2017	2014	2017	2014	2017	2014	2017
Гражданская	85	55	58	46	43	27	78	50
Региональная (сибирская)	75	50	28	37	21	40	70	45
Этническая	80	69	78	72	74	60	78	68
Локальная (новосибирская)	68	48	70	37	64	21	70	44

Можно говорить в целом о высоком уровне значимости большинства обозначенных видов идентичности. Следует обратить внимание на то, что этническая идентичность у русских стала доминировать в общей структуре идентичностей, как и у других респондентов, у которых она с 2014 г. сохранила высокую стабильность.

Выявленная в результате массовых опросов определенная неустойчивость (изменчивость) выделенных видов идентичности отражает существование проблем в сфере этнонациональной политики. Как представляется, предпринимаемая в последнее время настойчивая пропаганда гражданской (общенациональной) идентичности, которая, по сути, презентуется как альтернатива этнической идентичности, не всегда является эффективной (если только применяемые методики исследования не запрограммированы изначально на получение искомого результата). В действительности существуют сложные механизмы и технологии формирования гражданской идентичности, которые не должны игнорировать ее реальную сопряженность и взаимодополнительность (а не взаимоисключение) с идентичностью этнической. Для органов же муниципального управления существенно значимой является одновременно задача формирования позитивной городской идентичности путем создания привлекательного образа города.

Содержание социального самочувствия, непосредственно связанного с межэтническими отношениями, исследовалось по ряду параметров.

Во-первых, это общая оценка состояния межэтнических отношений, которая измерялась с двух сторон. Отношения к представителям своей национальности в 2014 и 2017 гг. воспринимались респондентами как достаточно благожелательные. А вот оценка существующих отношений между людьми разных национальностей в городе значительно менее оптимистична. На фоне относительно высокого уровня удовлетворенности жизнью в целом межэтнические отношения воспринимаются в общей массе опрошенных скорее как терпимые, чем хорошие.

Одновременно просматривается раскол в общественном мнении представителей разных этнических групп по этому вопросу. Представители русского населения оценивают существующие в городе межнациональные отношения гораздо более критически, чем представители народов Средней Азии и Кавказа. Вероятно, это в значительной степени связано с заметным изменением в последние годы этнокультурного ландшафта Новосибирска под влиянием активных миграционных потоков, главным образом из

Средней Азии, в меньшей степени – с Кавказа. В результате местное население наблюдает теперь иную, чем это было несколько лет назад, этносоциальную ситуацию, рассматривая ее как напряженную.

В то же время, если говорить в целом по всему массиву опрошенных, следует констатировать пусть и небольшую, но позитивную динамику оценок состояния межэтнических отношений за три года: в совокупности ответ «хорошие» и «терпимые» в 2014 г. составлял 70 %, в 2017 г. – 76 %.

Во-вторых, это оценка динамики межнациональных отношений. Если вынести за скобки затруднившихся ответить на этот вопрос (таковых более трети) и отметивших неизменность данных отношений (таковых примерно четверть), то среди остальных негативные оценки преобладают над позитивными. Это касается как периода нескольких предшествующих лет, так и ближайшей перспективы. И здесь наблюдается раскол общественного мнения: более пессимистическую позицию занимают русские по сравнению с представителями других народов, особенно Средней Азии.

В-третьих, это установки в межэтнических отношениях. Здесь мы ограничимся анализом данных о предпочтениях при выборе руководителя и коллег по работе, брачного партнера, друга (подруги). Для всего массива опрошенных выявилась четкая закономерность: чем более «дальними» и независимыми являются отношения между людьми, тем в большей мере национальность для них не имеет значения. Так, национальность не важна для 48 % опрошенных в вопросе выбора партнера по работе и лишь для 17 % – при выборе брачного партнера. В 2017 г. получены аналогичные данные. Тем самым наиболее значимой в предпочтении людей своей национальности выступает сфера семейных отношений, которые как раз и характеризуются наиболее тесными личными контактами. Данный вывод соответствует общей тенденции развития национальных отношений в России в последнее время. Эта тенденция существенно отличается от той ситуации, которая была свойственна советскому периоду, когда национальность очень часто была не важна при выборе супругов.

В-четвертых, это отношение к мигрантам. Данный вопрос представляется принципиально важным, поскольку основу межнациональной напряженности составляют в последнее время отношения местного населе-

ния с мигрантами. Как показали исследования, отношение к мигрантам со стороны городского сообщества Новосибирска за три года принципиально не изменилось. Так, в 2017 г. по сравнению с 2014 г. полностью совпадающей осталась доля нейтральных оценок (27 %) и оценок негативных (21 %). Сократилась доля полагающих, что к мигрантам отношение бывает разное (с 41 до 33 %), почти в два раза увеличилось число позитивных оценок (с 4 до 7 %). Но если исключить нейтральные оценки, то заметное доминирование негативных ответов над позитивными сохранилось.

Если сравнить весь касающийся межэтнических отношений спектр оценок, даваемых представителями принимающего сообщества и мигрантов, то следует констатировать, что сами мигранты, в отличие от местного населения, не склонны драматизировать ситуацию. И это является вполне логичным: они сознательно сделали выбор и приехали в Новосибирск, психологически готовы встретиться с трудностями и настроены на их терпеливое преодоление. Критическое отношение горожан по многим обсуждаемым вопросам говорит о существовании в массовом сознании определенного рода тревог и волнений, связанных с изменением этносоциальной ситуации в последнее время. В городском сообществе сформировался стереотип, проявляющийся в негативном отношении к мигрантам. Как и всякий стереотип, он порой проявляет себя стихийно, автоматически, имеет место в том числе у тех жителей, которые редко сталкиваются с мигрантами, но в большинстве случаев имеет реальные объективные основания, поскольку мигранты изменили этнокультурный облик города, усилили конкуренцию, сместившуюся в последнее время в область обладания социальными ресурсами.

Таким образом, социальное самочувствие жителей города Новосибирска, связанное с разными составляющими этносоциальной обстановки, характеризуется противоречивостью, что, с одной стороны, отражает противоречивость самой жизненной ситуации, с другой – находит выражение в неоднозначных оценках представителей разных групп межэтнического сообщества. В то же время при наличии в общественном сознании опре-

деленных проблемных зон в целом можно сделать вывод о существующей здесь достаточно благоприятной этносоциальной атмосфере и доброжелательном отношении большинства жителей к представителям иных этнических групп.

В значительной степени это определяется хорошо поставленной систематической работой мэрии Новосибирска по вопросам национальной политики. Одним из важных условий эффективности муниципального управления в данной сфере является использование результатов социологических исследований по диагностике текущей ситуации и ее динамике. Мониторинг социального самочувствия городского межэтнического сообщества, осуществляемый совместными усилиями исследователей и соответствующих структур мэрии, уже стал повседневной практикой ее управленческой деятельности.

Говоря о роли мониторинга социального самочувствия межэтнического сообщества в муниципальном управлении, можно выделить несколько основных задач, которые решаются с его помощью. Он позволяет: во-первых, измерять выраженные в общественном мнении «социальную температуру» этого сообщества и градус его социального благополучия; во-вторых, выявлять наличные проблемные узлы как основание для корректировки приоритетов текущей работы; в-третьих, определять целевые социальные группы, требующие особого внимания; в-четвертых, конкретизировать задачи по решению выявленных проблем применительно к разным структурам мэрии и городским районным администрациям; в-пятых, видеть динамику изменений этносоциальной ситуации и на этой основе определять перспективу работы в рамках стратегического муниципального планирования.

Список литературы / References

Вендина О., Паин Э. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018. 184 с.

Vendina O., Pain E. *Mnogoetnichnyy gorod. Problemy i perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziyem v krupneyshikh gorodakh* [Multi-ethnic city. Problems and prospects of managing cultural diversity in major cities]. Moscow, Sector Publ., 2018. 184 p. (in Russ.)

Дрегалo А. А., Ульяновский В. И. *Социология региональных трансформаций: В 2 т. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. Т. 1: Региональный социум 1989–1998: от надежды к разочарованию. 493 с.*

Dregalo A. A., Ul'yanovsky V. I. *Sotsiologiya regional'nykh transformatsiy* [Sociology of Regional Transformations]. In 2 vols. Arkhangel'sk, North (Arctic) Federal Uni. Publ., 2010, vol. 1, 493 p. (in Russ.)

Кашкина Л. В. *Социальное самочувствие населения монопрофильного города // Арктика и Север. 2012. № 8. С. 43–48.*

Kashkina L. V. *Sotsial'noye samochuvstviye naseleniya monoprofil'nogo goroda* [Social well-being of the population of a single-industry city]. *Arctic and North*, 2012, no. 8, p. 43–48. (in Russ.)

Попков Ю. В., Костюк В. Г. *Концептуальные и методические основы социокультурного мониторинга межэтнического сообщества // Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. С. 156–160.*

Popkov Yu. V., Kostyuk V. G. *Kontseptual'nye i metodicheskie osnovy sotsiokul'turnogo monitoringa mezhetnicheskogo soobshchestva* [Conceptual and methodological foundations of the socio-cultural monitoring of an inter-ethnic community]. In: *Socio-cultural monitoring of an urban inter-ethnic community: methodology, methodology, practice*. Ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, NSTU Publ., p. 56–160. (in Russ.)

Попков Ю. В. *Модель социокультурного мониторинга городского межэтнического сообщества в реализации национальной политики на муниципальном уровне // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 114–124.*

Popkov Yu. V. *Model' sotsiokul'turnogo monitoringa gorodskogo mezhetnicheskogo soobshchestva v realizatsii natsional'noy politiki na muni-*

tsipal'nom urovne [Model of sociocultural monitoring of urban inter-ethnic community in the implementation of national policy at the municipal level]. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2019, no. 2, p. 114–124. (in Russ.)

Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. 347 с.

Socio-cultural monitoring of an urban inter-ethnic community: methodology, methodology, practice. Ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, NSTU Publ., 2018, 347 p. (in Russ.)

Чугуненко В. М., Бобкова Е. М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 15–23.

Chugunenko V. M., Bobkova E. M. Novyye tendentsii v issledovanii sotsialnogo samochuvstviya naseleniya [New trends in the study of social self-feelings of the population]. *Sociological Studies*, 2013, no. 1, p. 15–23. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

11.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Попков Юрий Владимирович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Yuri V Popkov, Doctor of Philosophy, Professor; Chief researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

popkov@philosophy.nsc.ru